

Вячеслав Марченков

Двойная ЖИЗНЬ

Вячеслав Марченков

Двойная жизнь

<https://litres.ru/74619879>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как бы вы поступили, если бы внезапно узнали о том, что ваша жена участник криминальной банды? Именно это и произошло с главным героем романа попавшего в круговорот криминальных событий на одном из сложных отрезков в жизни великой страны.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	9
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвёртая	27
Глава пятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Двойная жизнь

Пролог

Странно, но именно сейчас, в первой половине двадцать первого века, оглядываясь назад, я вдруг с пронзительной ясностью осознал, что в жизни человека порой наступает миг, когда перед ним распахиваются две дороги — и обе кажутся одинаково пугающими. Одна ведёт через тернии сложного, выстраданного решения, от которого зависит всё твоё будущее; другая манит обманчивым покоем пессимистического «будь что будет». И как ни парадоксально, именно это внутреннее противостояние, эта мучительная раздвоенность и подтолкнула меня к тому, чтобы взяться за перо и начать писать этот роман.

Я никогда не считал себя человеком прагматичным — по крайней мере, в тех сферах, что лежали за гранью моего понимания. И не привык опираться на факты, на логику, на осязаемую реальность. А потому долгие годы верил в то, что человек способен управлять своим будущим здесь и сейчас. Я всегда верил, что от решения, принятого в одну короткую секунду, зависит, каким предстанет перед тобой завтрашний день. На первый взгляд, эта мысль казалась нелепой, почти абсурдной — обыкновенной чушью, рождённой чьей-то буйной фантазией. Но теперь я точно знаю: это не так. И сейчас

я готов объяснить почему.

Родился и вырос я в самой обычной семье, где не было места философским спорам и отвлечённым рассуждениям о судьбе. Моя мама никогда не преподавала в институте, не рассуждала о тайнах бытия и не искала скрытые смыслы в каждом слове. Она была человеком приземлённым, твёрдо стоящим на ногах, и её мир был прост и понятен: завод, стройка, тяжёлый, но честный труд. Отец мой был таким же — немногословным, надёжным, привыкшим решать проблемы не словами, а делом. В нашем доме ценили трудолюбие, ответственность и умение держать слово, а не способности заглядывать за завесу будущего.

А между тем именно эти способности, словно непрощенный дар, были даны мне при рождении — и никто в семье не мог толком объяснить, откуда они взялись и что с ними делать? Казалось, они стали проявляться едва ли не с первых дней моей жизни. Стоило моим ногам обрести силу, а языку — подвижность, как я начал неумолимо, с детской прямоотой и бесхитростностью, рассказывать родителям о странных снах, которые видел. Поначалу они лишь устало улыбались, списывая всё на буйное воображение и впечатлительность ребёнка. Но вскоре стало ясно: эти сны не были просто игрой фантазии. Они сбывались.

Первым, кто всерьёз задумался над этой пугающей особенностью, был мой дедушка. Человек мудрый и осторожный, который не понаслышке знал, как безжалостна бывает

система к тем, кто хоть немного выходит за рамки привычного. В его памяти ещё были свежи истории о том, как слишком ярких, слишком «не таких, как все» людей быстро и без лишнего церемоний ставили на учёт, а то и вовсе отправляли туда, откуда редко возвращались прежними. Предчувствуя, какие пагубные последствия могут иметь мои сновидения, дедушка не стал тратить время на пустые утешения. Он прямо посоветовал родителям заранее побеспокоиться о моём будущем — ведь с такими способностями оно могло оказаться до обидного коротким либо закончиться в стенах больницы для душевнобольных, где любые откровения воспринимались как симптом, а не как дар.

И родители прислушались к его совету. Они не стали спорить, не стали надеяться, что всё как-нибудь само собой образуется. Вместо этого они сделали то, что считали единственно правильным: максимально ограничили мои контакты со сверстниками. Никаких шумных дворовых компаний, никаких долгих прогулок до темноты, никаких разговоров по душам с соседскими мальчишками. Мир для меня сузился до размеров нашего дома, школьного класса и редких, строго дозированных встреч с теми, кого родители считали «безопасными».

Так я и вырос — человеком малообщительным, привыкшим держать свои мысли и чувства при себе. Чужие голоса и смех казались мне чем-то далёким и почти враждебным, а тишина собственного внутреннего мира — единственным

надёжным убежищем. Из всех товарищей, с кем мне всё же довелось сойтись ближе, осталось лишь трое. Двое мальчиков: один из коих впоследствии стал офицером полиции, а другой поднялся по карьерной лестнице и превратился в большого чиновника, привыкшего взвешивать каждое слово и просчитывать каждый шаг. И ещё была девочка — тихая, внимательная, умевшая слушать так, будто каждое твоё слово было для неё бесценным. Позже, много лет спустя, она стала моей женой.

С приходом зрелости мои способности не исчезли и не ослабли, они, напротив, начали стремительно развиваться, словно кто-то постепенно поворачивал ручку громкости, делая звук всё сильнее и невыносимее. Теперь грань между сном и явью становилась всё тоньше, пока однажды не стала прозрачной, как стекло. Бывали дни, когда, просыпаясь, я не мог с уверенностью сказать, где заканчивается сон и начинается реальность. Порою мне казалось, что я всё ещё блуждаю по лабиринтам ночных видений, и лишь холодный край подушки под пальцами или резкий запах утреннего кофе возвращали меня в настоящий мир.

Долгое время я пытался сдерживать этот нарастающий поток, прятать его за маской обыденности, делать вид, что со мной всё в порядке. Я учился улыбаться, когда хотелось кричать, кивать в ответ на пустые фразы и старательно избегать любых разговоров, которые могли бы выдать мою тайну. Я верил, что если буду достаточно осторожен, если не позво-

лю никому заглянуть слишком глубоко, то сумею сохранить хрупкое равновесие. Но, как говорится, шило в мешке не утаишь. Рано или поздно правда находит способ вырваться наружу — и со мной случилось именно так. Тайное стало явным, и с этого момента моя жизнь уже не могла остаться прежней.

Глава первая

Солнце, как беспризорная дворняжка, уставшая за день от скитаний по пустырям в поисках пищи, лениво ползло по серому небу, едва пробиваясь сквозь запылённые окна заводского цеха. В воздухе висел тяжёлый запах машинного масла вперемешку с копотью раскалённого до красна металла, такой привычный всем и почти родной, что никто особо не обращал на это внимания. В это время, Иван стоял у верстака, привычно сжимая в руках гаечный ключ и думал о том, что сегодня надо не забыть купить хлеб: жена просила, а ещё проверить у сына тетрадь по математике. Обычная мысль обычного человека.

Он провёл ладонью по лбу, стирая выступившую от жары и напряжения испарину, и на секунду прикрыл глаза. Всего на миг — чтобы собраться с мыслями. Но стоило векам опуститься, как мир вокруг дрогнул, словно поверхность воды, в которую бросили камень. И тут же цех исчез.

А вместо него перед глазами поплыли мрачные улицы ночного города, залитые холодным светом фонарей. Ветер рвал болоньевую куртку, швыряя в лицо колючие капли дождя. В руке он, вдруг, почувствовал, вместо гаечного ключа, пистолет марки Макарова, рукоять которого пальцы сжимали уверенно, будто так было всегда. Где-то вдалеке раздался резкий хлопок, похожий на выстрел, и воздух мгновенно

наполнился напряжением, густым и тяжёлым, как грозовая туча.

Иван сделал шаг вперёд, и привычная усталость слесаря растворилась без следа. Теперь он был не Иваном, простым работягой с завода, а кем-то вроде Стража, который стоит между хаосом и порядком, между страхом и надеждой. И сейчас этот порядок трещал по швам: террористы, безумные и целеустремлённые, готовились нанести удар, который должен был перекроить не только карту города, а возможно и всей страны, сломать её хребет и заставить людей склониться перед новой, жестокой властью.

Он знал их планы до мельчайших деталей — как будто эти знания были встроены в него, прошиты на уровне инстинкта. И знал ещё кое-что такое, от чего сердце внутри билось так быстро, словно за ним гнались, отзываясь острой болью в крепком молодом теле. Там, среди теней, среди безликих фигур в масках, скрывалась та, чьё лицо он видел каждое утро за чашкой чая, чьи руки нежно гладили его по плечам и груди, когда он возвращался с работы. Это была его жена. Та, что делила с ним хлеб, проверяла тетради, смеялась над его неуклюжими попытками починить старый чайник. Та, кого он любил и обожал больше всех на свете, если не считать, конечно, сына.

Но здесь, в этом мире, она была не женой — а участником группировки, возможно, архитектором надвигающейся катастрофы.

Иван замер на мгновение, позволяя этой мысли пронзить сознание, как ледяной осколок. Реальность и сон, любовь и долг, семья и миссия — всё сплелось в тугой узел, который невозможно было распутать привычными способами.

А потом, где-то совсем рядом прогремел взрыв, и время перестало тянуться — оно рванулось вперёд, как сорвавшийся с цепи зверь.

Когда Иван снова открыл глаза, он опять стоял у верстака. Гаечный ключ, по-прежнему, был в руке, цех шумел привычными звуками, а на соседнем станке кто-то громко ругался из-за заклинившей детали. Но что-то неуловимо изменилось. В воздухе повисло странное напряжение, будто мир на секунду забыл, каким ему положено быть.

Иван медленно опустил инструмент и посмотрел на свои руки — грубые, в мелких шрамах и мозолях, обычные руки работника. И вдруг с пугающей ясностью понял о том, что грань между сном и явью стёрлась настолько, что вот-вот исчезнет совсем. И если он не найдёт способ удержать равновесие, то скоро уже не сможет отличить, где заканчивается реальность и начинается кошмар. А может, наоборот — где кончается кошмар и начинается спасение.

Он глубоко вздохнул, пытаясь вернуть себе привычное спокойствие, но в груди всё ещё гулко стучало сердце — то ли от заводского напряжения, то ли от отголосков ночной битвы.

«Ничего, — подумал он, сжимая пальцы в кулак. — Я раз-

берусь. Я должен».

И, подхватив следующий узел для сборки, Иван снова погрузился в рутину дня, чувствуя, как тонкая нить между двумя мирами натягивается всё сильнее, готовая вот-вот лопнуть.

Глава вторая

День тянулся, как старая, скрипучая пружина, потому каждый час отдавался в висках тупой, нарастающей болью. Иван старался держаться за привычные вещи, бросавшиеся на глаза в цеху, будь то детали, ключи, разложенные на верстаке, или ворчание мастера смены, который вечно был всем недоволен. Эти мелочи служили якорями, не давали ему сорваться в ту тёмную воронку, что всё чаще подступала к краю сознания.

На обеде он сел на привычное место у окна, развернул пакет с бутербродами, но есть не хотелось. Перед глазами снова вставали те улицы из сна — мокрые, зловещие, полные теней. И, конечно, лицо его жены, холодное и собранное, в свете уличных фонарей, когда она отдавала приказы своим людям. Он тряхнул головой, прогоняя видение, тут же наткнувшись на взгляд напарника, Пети — парня лет двадцати пяти, вечно весёлого, с неизменной шуткой наготове.

— Ты чего такой бледный, Вань? — спросил Петя, надкусывая пирожок. — Не заболел часом?

— Да нет!

В ответ промолвил Иван, выдавив улыбку на лице, в то же время стараясь, чтобы она выглядела естественно. И чуть погодя добавил:

— Просто голова немного гудит. Наверное, вентиляция

опять барахлит.

Петя хмыкнул, кивнул и вернулся к еде, а Иван снова уставился в окно, где серые облака ползли по небу, будто нехотя. Он пытался убедить себя, что это просто сны — тяжёлые, навязчивые, но всего лишь сны. Но чем больше он об этом думал, тем сильнее чувствовал: это не просто картинки, рождённые усталостью. Это было предупреждение. Или, хуже того, — пророчество.

После смены он шёл домой, привычно отсчитывая шаги, слушая, как хрустит под подошвами мелкий гравий. В кармане вибрировал телефон, в котором, вытащив, увидел сообщение. Жена писала: «Купи молока, пожалуйста. И скажи сыну, пусть не засиживается за компьютером, пора делать уроки». Слова были самые обычные, домашние, тёплые. Но теперь каждое из них отзывалось в нём странным, колючим эхом.

Иван остановился на углу, прислонился плечом к шершавой стене дома и закрыл глаза. Всего на секунду. Но в этот раз, вместо привычной усталости, его накрыло волной чужого, холодного знания: маршрут передвижения одного из отрядов террористов, время, когда они планировали заложить взрывчатку в подземном переходе. Детали были такими чёткими, будто он сам стоял там, в темноте, и слушал их переговоры.

Мужчина резко распахнул глаза, тяжело дыша, и огляделся. Улица была всё той же — обычной, будничной, с тусклыми

ми фонарями и редкими прохожими. Никакой угрозы, никакого напряжения. Только он сам, дрожащий от внезапного озарения.

«Это не может быть правдой», — твердил он себе, но внутренний голос шептал другое: «А если может?»

Домой он вошёл, стараясь выглядеть спокойным. Жена, видимо, вернулась с работы раньше времени, а потому встретила его в коридоре, улыбнулась, поцеловала в щёку. От неё пахло её любимыми духами и чем-то домашним, уютным. Затем, из комнаты выскочил сын, бросил рюкзак на пол и начал тараторить про какую-то новую игру. Иван слушал, кивал, улыбался, но каждое слово, каждый жест казались ему теперь частью какой-то странной, двойной реальности.

За ужином он ловил себя на том, что изучает жену: как она держит вилку, как откидывает прядь волос со лба, как морщит нос, когда задумывается. Та же женщина, которую он знал столько лет. И в то же время — чужая, незнакомая, словно за её лицом скрывалась другая личность, тёмная и опасная.

— Ты сегодня какой-то странный, — сказала Ирина наконец, откладывая ложку. — Всё в порядке?

— Да, — ответил Иван, стараясь говорить ровно, и добавил:

— Просто день тяжёлый. На заводе опять что-то ломалось, весь цех стоял.

Ира, соглашаясь со сказанным, кивнула головой, будто

принимая его объяснение, но в её глазах мелькнуло что-то, чего он раньше не замечал, возможно лёгкая тень настороженности, едва уловимая, но от этого ещё более пугающая.

Ночью, лёжа рядом с женой, слушая её ровное дыхание, Иван долго не мог уснуть. Мир вокруг становился зыбким, как отражение в воде, которое вот-вот разобьётся от малейшего прикосновения. Потому что он ясно чувствовал, как граница между сном и явью становится всё тоньше, словно плёнка, готовая лопнуть от любого резкого движения.

И когда он наконец закрыл глаза, сон не заставил себя ждать.

Город встретил его той же промозглой сыростью, тем же напряжением, густым и тяжёлым, как перед грозой. На этот раз он не просто видел происходящее — он чувствовал его каждой клеткой тела. Холод пробирал до костей, ветер рвал одежду, а в груди сжималось от предчувствия беды.

Перед ним возвышалось здание старого вокзала — заброшенное, мрачное, с выбитыми окнами и облупившейся краской. Именно здесь, по его внезапному знанию, возможен произойти главный удар. Террористы собирались использовать вокзал как точку отсчёта, откуда они планировали начать захват ключевых объектов города.

Иван двинулся вперёд, стараясь держаться в тени, сливаться с темнотой. Его шаги были бесшумными, а движения — точными и выверенными. Он больше не был тем растерянным человеком, который только начинал понимать, что

с ним происходит. Теперь он был Стражем — собранным, решительным, готовым к бою.

В одном из пролётов он заметил движение — тёмную фигуру, скользнувшую в полумрак. Он замер, прижался к стене, выждал несколько секунд, а потом бесшумно двинулся следом. Коридоры были запутанными, пол усыпан битым стеклом и мусором, но он шёл уверенно, ведомый тем странным знанием, что теперь жило внутри него.

Фигура остановилась у массивной двери, достала рацию и что-то тихо произнесла. Иван замер, прислушиваясь. Слова были едва различимы, но смысл дошёл до него мгновенно: через час всё начнётся.

А потом фигура повернулась, и он увидел её лицо. Это была она, его жена.

Ирина стояла в тусклом свете аварийного фонаря, спокойная и собранная, в чёрной куртке и перчатках, с рацией в руке. Её глаза были холодными, почти чужими, и в них не было ни капли узнавания — только расчёт и решимость.

— Я знала, что ты придёшь, — сказала она, чуть наклонив голову. — Рано или поздно ты должен был понять, что эти миры не могут существовать отдельно друг от друга.

Иван сделал шаг вперёд, сжимая кулаки, пытаясь удержать в себе бурю эмоций, которая грозила разорвать его изнутри, и вымолвил:

— Зачем? — голос прозвучал хрипло, будто ему не хватало воздуха. — Зачем ты это делаешь?

Ира усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья, а только горькая, холодная ирония. После чего, стальным голосом, проговорила:

— Потому что старый мир прогнил, Ваня. Он держится на привычках, на рутине, на страхе перед переменами. А мы строим новый порядок — жёсткий, но справедливый. Ты сам видел, как всё разваливается: заводы закрываются, люди теряют работу, дети растут в серости и безысходности. Мы не разрушаем — мы расчищаем место для чего-то большего.

— Это не оправдание.

Отрезал он, сжав зубы, чувствуя, как внутри поднимается волна гнева, смешанного с болью.

— Ты говоришь о справедливости, а сама готова пожертвовать тысячами жизней ради своей идеи.

На что жена лишь пожала плечами, будто речь шла о чём-то незначительном и тихо вытянула из себя:

— Иногда ради большого блага приходится идти на тяжёлые решения. Ты ведь тоже делал выбор, Ваня. Каждый день ты выбираешь между тем, чтобы просто жить, и тем, чтобы что-то менять. Только ты выбрал первое. А я выбрала второе.

Слова ударили его, как пощёчина. Он хотел возразить, хотел кричать, доказывать, что она ошибается, но в глубине души понимал: в её словах была своя, искажённая логика, своя болезненная правда. Но, где-то вдалеке раздался глухой удар, похожий на взрыв, и здание слегка вздрогнуло. Время

истекало.

— У тебя ещё есть шанс,

Прошипела одними губами Ирина, сделав шаг вперёд, и заглянув ему прямо в глаза.

— Присоединись к нам. Вместе мы сможем сделать этот мир лучше.

Иван молчал, чувствуя, как реальность и сон сплетаются в тугой узел, грозящий затянуться навсегда. Он знал: если он согласится, то потеряет себя. Если откажется — рискует потерять всё остальное.

Но, прежде чем он успел ответить, коридор озарился яркой вспышкой, и пространство вокруг него дрогнуло, как треснувшее стекло.

Когда он снова открыл глаза, он лежал в своей кровати. За окном занимался рассвет, слабый и робкий. Жена спала рядом, повернувшись к нему спиной, её дыхание было ровным и спокойным. Сын в соседней комнате ещё не проснулся. Всё было на своих местах, привычно и знакомо.

Только вот в груди всё ещё гулко стучало сердце, а на коже чувствовался холод ночного ветра. И где-то глубоко внутри, в самой тёмной части сознания, пульсировала мысль, от которой невозможно было избавиться:

- Неужели это только начало?

Глава третья

Утро выдалось обманчиво спокойным. Иван лежал, глядя в потолок, и пытался убедить себя, что всё произошедшее ночью — лишь отголоски переутомления, причудливая игра подсознания. Но холод, въевшийся в кожу, не желал уходить. Он чувствовал его даже сейчас, в тёплой постели, под привычным одеялом. Будто ночной ветер оставил на нём невидимую метку.

Ирина тихо встала, накинула халат и ушла на кухню. Иван слышал, как щёлкнул выключатель, как загудел чайник, как звякнула чашка, такие обычные, до боли знакомые звуки. Они должны были успокаивать, возвращать в реальность, но теперь звучали как фоновый шум в плохо смонтированном фильме, как-то слишком ровно и предсказуемо.

Сын, как всегда, проспал. Из его комнаты донёсся грохот — видимо, споткнулся о рюкзак, который так и не убрал вчера. Потом раздался его недовольный возглас, и Иван невольно улыбнулся. Эта привычная суета была якорем, за который хотелось держаться обеими руками. А потому, с неохотой поднявшись, он натянул на себя джинсы, набросил рубашку и вышел из спальни.

На кухне Ира стояла у окна, помешивая ложкой в чашке. Она выглядела точно так же, как и всегда: немного уставшая, с лёгкой морщиной между бровей, в старом халате, который

он когда-то подарил ей на годовщину. Ничего зловещего, абсолютно ничего, что выдавало бы в ней участника террористической группировки не было. И всё же Иван не мог отделаться от ощущения, что смотрит на неё сквозь двойное стекло: с одной стороны — его жена, с другой — та холодная, расчётливая женщина из сна.

— Ты сегодня рано, — вымолвила женщина, не оборачиваясь. — Или опять не спал?

Иван помедлил с ответом. Сказать правду? Рассказать про сны, про вокзал, про её слова о «новом порядке»? Он представил, как это прозвучит: «Знаешь, мне снится, что ты хочешь захватить город». И тут же понял, что это будет звучать не как признание, а как диагноз. А потому ответил просто и спокойно:

— Да нет, просто мысли всякие в голову лезут. На заводе опять аврал, начальник грозитя план не выполнить.

Ирина, соглашаясь, кивнула головой, будто принимая эту версию. Но когда повернулась к нему, в её взгляде мелькнуло что-то едва уловимое — не то сочувствие, не то скрытое знание. Ивану показалось, что она видит его насквозь, что ей известны не только его тревоги, но и то, что он пытается от неё скрыть.

Завтрак прошёл в неловкой тишине, которую сын безуспешно пытался разбавить рассказами про новую игру. Иван кивал, улыбался, делал вид, что слушает, но мысли его метались между двумя мирами. Он пытался ухватить хоть

какую-то деталь, которая помогла бы ему понять, где заканчивается сон и начинается реальность.

По дороге на работу он снова остановился на том же углу, где вчера его накрыло внезапным видением. Прислонился к стене, закрыл глаза и попытался вызвать то же чувство, ту же холодную ясность, которая приходила вместе с знанием о планах террористов. Но на этот раз ничего не произошло. Только шум города, запах бензина и далёкий гул проезжающих машин.

- «Может, это и правда просто сны».

Подумал он, открывая глаза. Но тут же вспомнил холод ветра, тяжесть пистолета в руке, голос жены, произносящий слова о «прогнившем мире». Слишком реальные, слишком детализированные, чтобы быть просто плодом воображения.

На заводе день опять тянулся мучительно медленно. Иван механически выполнял привычные операции, но его мысли снова и снова возвращались к той сцене на вокзале. Он пытался вспомнить каждую деталь: расположение коридоров, звук шагов, даже запах сырости и пыли. И вдруг его пронзила мысль: а что, если это не просто сон, а предупреждение? Что, если события, которые он видит ночью, действительно произойдут, и он — единственный, кто может их предотвратить?

Эта мысль была одновременно пугающей и освобождающей. Она давала ему цель, объясняла, почему он видит эти сны. Но вместе с тем она ставила перед ним невыносимый

выбор: как остановить жену, не причинив ей вреда? Как спасти город, не разрушив свою семью?

Во время обеденного перерыва он достал телефон и набрал номер старого друга из детства, который теперь работал в полиции. Они давно не общались, но сейчас Иван отчаянно нуждался в совете человека, который понимал бы, что такое опасность и как с ней бороться.

— Алло, Вань? — голос Олега звучал удивлённо, но не холодно. — Ты чего звонишь? Всё в порядке?

— Не знаю, — честно признался Иван, сразу перейдя к главному, ради чего и звонил:

— Слушай, брат, тут такое дело... Мне кажется, я что-то знаю. Про возможные теракты.

После этих слов, на другом конце провода повисла пауза, а за тем он услышал голос товарища, который в один миг стал жёстким и деловым:

— Вань, ты это серьёзно? Что именно ты знаешь?

Иван замялся. Как объяснить, что он знает о планах террористов из снов? Что его жена участник преступной группировки? Это звучало как бред.

— Я... я не могу всего рассказать, — наконец выдавил он из себя. — Но есть одно место — старый вокзал. Мне кажется, там что-то готовится.

В телефоне последовала ещё одна пауза, которая длилась дольше первой, после чего, Олег переспросил:

— Вокзал, говоришь? Ладно. Я проверю. Но ты мне потом

всё расскажешь, понял? Всё, без утайки.

Иван кивнул, хотя друг не мог его видеть и прошептал:
— Спасибо! Просто... проверь, ладно?

Он отключил звонок и уставился на экран телефона, чувствуя, как внутри всё сжимается от напряжения. Он сделал первый шаг, но теперь не знал, куда приведёт эта дорога.

Остаток дня прошёл в полудреме. Иван работал на автомате, почти не замечая, что делает. Мысли кружились вокруг одного и того же: что будет, если его предупреждение окажется правдой? Что, если полиция найдёт доказательства причастности его жены? Сможет ли он жить с этим? И главное — что будет, если он ошибается? А товарищ всё не звонил.

Когда смена закончилась, он вышел на улицу и глубоко вдохнул прохладный воздух. Город жил своей обычной жизнью: люди спешили по делам, машины гудели, витрины магазинов манили яркими огнями. Всё выглядело нормальным, безопасным. Но Иван знал, что под этой поверхностью зреет угроза, и он — единственная нить, связывающая два мира.

Взглянув снова на молчавший до сих пор телефон, он небрежно бросил его в карман лёгкой куртки и по пути домой сам решил зайти на вокзал. Нет! Конечно же не в поисках террористов, а как обычный человек, чтобы увидеть это место при свете дня, понять, насколько реальны его ночные видения.

Добравшись на автобусе до старого вокзала, он ничуть не

удивился тому, что тот выглядел именно так, как в его снах: заброшенный, мрачный, с выбитыми окнами и облупившейся краской. Когда-то это было сердце города, место, откуда уезжали и куда возвращались, где встречались и прощались. Теперь же оно напоминало призрак самого себя — тихий, печальный, и совершенно забытый.

Иван остановился у входа, оглядываясь по сторонам. Вокруг не было ни души. Только ветер гонял по перрону обрывки газет и сухие листья. Старый друг явно пропустил его догадки мимо ушей, не послав наряд сюда для проверки помещения. Он сделал несколько шагов вперёд, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Настолько это место было пропитано предчувствием беды, и теперь он понимал, что его сны не лгали.

Внутри вокзала царила тишина, нарушаемая лишь редкими звуками: где-то капала вода, где-то скрипели старые доски. Иван медленно шёл по коридорам, узнавая каждый поворот, каждую трещину на стенах. Всё совпадало с его видениями до мельчайших деталей.

В одном из пролётов он заметил что-то странное. Там, на полу, едва заметные в слое пыли, виднелись свежие следы обуви. Они вели к массивной двери в конце коридора — той самой, за которой в его сне стояла жена с рацией в руке.

Сердце Ивана забилось чаще. Он подошёл ближе, наклонился, чтобы рассмотреть следы. Они были чёткими, недавними. Кто-то действительно был здесь совсем недавно.

Он потянулся к ручке двери, но в последний момент замер. Что он найдёт за ней? Доказательства заговора? Или просто пустые комнаты, покрытые пылью и паутиной?

Дверь скрипнула, открываясь, и перед ним предстала небольшая комната, когда-то служившая кабинетом начальника вокзала. Теперь она была пуста, если не считать нескольких ящиков в углу и разбросанных бумаг на полу. Но что-то в этой комнате казалось неправильным. Слишком аккуратно стояли ящики, слишком ровно лежали бумаги.

Иван подошёл ближе и замер. На одном из ящиков лежал предмет, который никак не вписывался в общую картину. Это была рация. Обычная, ничем не примечательная рация, но её присутствие здесь было кричащим, оглушающим.

Он протянул руку, чтобы взять её, но в этот момент где-то наверху раздался звук — лёгкий шорох, будто кто-то осторожно ступил на старую доску. Иван замер, прислушиваясь. Звук повторился, на этот раз ближе.

Кто-то был здесь. И этот кто-то явно не хотел быть обнаруженным.

Глава четвёртая

Иван бесшумно отступил назад, прячась в тени дверного проёма. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая все остальные звуки. Он пытался дышать ровно, но воздух будто застрял в груди, тяжёлый и горячий.

Шаги приближались. Медленные, осторожные, будто человек, идущий по коридору, знал, что здесь кто-то есть, и хотел застать его врасплох. Иван сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Он не был готов к встрече, не знал, что делать, если это окажется кто-то из группировки. Но отступать было некуда.

Наконец, фигура появилась в проёме. Ею оказался высокий мужчина в тёмной куртке, с капюшоном, надвинутым на глаза. В руке он держал пистолет, направленный вперёд, готовый к стрельбе. Он двигался уверенно, профессионально, явно привыкший к подобным ситуациям.

Иван замер, сливаясь с тенью. Если незнакомец войдёт в комнату, он его заметит. Нужно было действовать быстро, пока тот не пересёк порог. А незнакомец. В это время, остановился на пороге, оглядывая комнату. Его взгляд скользнул по ящикам, по рации, по разбросанным бумагам. Он нахмурился, будто что-то не сходилось в его картине мира. И в этот момент Иван понял: он не ждал здесь никого. Он пришёл проверить, всё ли на месте, и не рассчитывал на свидетелей.

Мужчина сделал шаг внутрь, и Иван, собрав всю свою решимость, бросился вперёд. Он действовал инстинктивно, как Страж — быстро, точно, без колебаний. Удар пришёлся в предплечье, выбивая пистолет из руки незнакомца. Оружие со стуком упало на пол, откатившись в сторону.

Противник отреагировал мгновенно — развернулся, нанося ответный удар. Иван едва успел уклониться, чувствуя, как воздух рассекает кулак, пролетевший в сантиметре от его лица. После чего, они закружились в тесном пространстве комнаты, каждый пытаясь получить преимущество.

Это была не драка двух обычных людей — это был танец смерти, где каждое движение могло стать последним. Иван чувствовал, как просыпается в нём та сила, которая жила в нём по ночам. Его движения становились точнее, а реакции — быстрее. Он больше не был простым слесарем, загнанным в угол обстоятельствами. Он был Стражем, и сейчас эта роль требовала от него всего без остатка.

Наконец, ему удалось подсечь противника, и тот рухнул на пол, тяжело дыша. Иван навалился сверху, прижимая его руки к полу, не давая возможности вырваться.

— Кто ты такой? — выдохнул он, глядя в лицо незнакомца. — Что вы здесь делаете?

Мужчина скривился от невыносимой боли в предплечье, пытаясь всё же вырваться, но хватка Ивана была железной.

— Ты не понимаешь, — глухо прохрипел он. — Это больше, чем ты можешь себе представить.

— Я понимаю достаточно, — отрезал Иван. — Говори, кто стоит за этим? Кто планирует атаку?

В глазах мужчины мелькнуло что-то похожее на уважение — или, возможно, это была просто усталость.

— Даже если я скажу, ты не сможешь ничего изменить, — произнёс он, тяжело дыша. — Процесс уже запущен. Ты опоздал.

Слова ударили Ивана, как физическая боль. Он хотел кричать, требовать ответов, но понимал, что каждая секунда промедления может стоить жизней. И в этот момент, где-то невдалеке раздался глухой удар, похожий на взрыв. Здание слегка вздрогнуло, откинув Ивана с соперника, пыль посыпалась с потолка. Однако Иван сумел вскочить на ноги, повернувшись лицом к незнакомцу. Тот, к его удивлению, не попытался напасть снова, а просто сел на пол, прислонившись к стене, и посмотрел на Ивана с какой-то странной смесью усталости и смирения.

— Видишь? — тихо произнёс он. — Ты ничего не можешь сделать.

Но Иван уже не слушал. Он выбежал из комнаты, мчась по коридорам к выходу. Ветер ударил ему в лицо, когда он выскочил на улицу, и в этот момент он понял: грань между мирами окончательно стёрлась. Он больше не мог сказать, где заканчивается реальность и начинается сон. Всё смешалось в одну пульсирующую, живую угрозу, и только он мог её остановить.

Город вокруг него менялся на глазах. Знакомые улицы становились чужими, тени удлинялись, а воздух наполнялся напряжением, густым и тяжёлым, как перед грозой. Он тяжело прислонился к стене, чтобы отдышаться и закрыв глаза, тут же почувствовал себя другим.

Глава пятая

Теперь он вновь знал, куда нужно идти. Знал, что там, в центре города, готовится главный удар. И знал, что у него есть только один шанс всё исправить.

Добежав до центра, он остановился, оглядываясь по сторонам. Площадь выглядела обычной: несколько прохожих, пара машин, уличные торговцы сворачивали свои лотки, готовясь к закрытию. Но под этой обыденностью чувствовалась вибрация — тонкая, едва уловимая, но от этого не менее пугающая. И тут он увидел её.

Ирина стояла на краю площади, в окружении нескольких человек в тёмных куртках. Она выглядела спокойной, собранной, будто весь этот хаос был частью её плана. Её взгляд скользнул по толпе, и на мгновение их глаза встретились. В её взгляде не было ни удивления, ни страха — только холодная уверенность.

Иван сделал шаг вперёд, но тут же замер. Что он мог ей сказать? Как объяснить, что знает правду? И главное — как остановить её, не причинив вреда?

Жена чуть наклонила голову, словно приглашая его подойти ближе. И он пошёл, чувствуя, как земля уходит из-под ног, а реальность рассыпается на тысячи осколков.

— Ты всё понял, — произнесла Ира, когда он остановился в нескольких шагах от неё. — Я знала, что рано или поздно

ты придёшь.

— Зачем? — голос Ивана прозвучал хрипло, будто ему не хватало воздуха. — Зачем ты это делаешь?

Она вздохнула, будто объясняла что-то очевидное ребёнку.

— Потому что этот город, эта страна, этот мир нуждаются в встряске. Они гниют изнутри, Ваня. И если не сломать старое, новое никогда не вырастет.

— Ты называешь это новым порядком? — он сжал кулаки, пытаясь удержать в себе бурю эмоций. — Ты готова пожертвовать тысячами жизней ради своей идеи?

— Иногда ради большого блага приходится идти на тяжёлые решения, — повторила Ирина те же слова, что и в его сне. — Ты сам знаешь, как всё разваливается. Ты видишь это каждый день на своём заводе: люди работают за копейки, начальство думает только о прибыли, а государство делает вид, что ничего не происходит. Мы не разрушаем — мы расчищаем место для чего-то большего.

— Это не оправдание, — отрезал Иван. — Ты не имеешь права решать за всех.

Жена посмотрела на него долгим, изучающим взглядом, будто видела его впервые и тихо спросила:

— А кто имеет? Кто-то должен взять на себя эту ответственность. И я готова её нести.

Вокруг них люди продолжали жить своей обычной жизнью, не подозревая, что стоят на краю пропасти. Но напря-

жение в воздухе становилось всё осязаемее, словно город за-
таил дыхание, ожидая решающего удара.

— Остановись, — произнёс Иван, делая ещё один шаг
вперёд. — Пока не поздно.

Но Ира отрицательно покачала головой, сухо выдавив из
себя:

— Слишком поздно, Ваня! Процесс запущен. Но у тебя
ещё есть выбор. Присоединись ко мне. Вместе мы сможем
построить этот новый мир.

Её слова повисли в воздухе, тяжёлые и холодные, как ле-
дяные осколки. Иван стоял перед выбором, который мог из-
менить всё: предать свои убеждения ради спасения семьи
или попытаться остановить жену, рискуя потерять её наве-
гда.

И в этот момент реальность снова дрогнула. Мир вокруг
него поплыл, как отражение в воде, и на секунду он увидел
сразу две картины: площадь, заполненную людьми, и тёмные
коридоры вокзала, где тени двигались в такт его дыханию.
Два мира накладывались друг на друга, смешиваясь в одну
пульсирующую реальность.

Когда видение рассеялось, Иван понял одну вещь: он
больше не мог выбирать между долгом и любовью. Ему нуж-
но было найти способ спасти и город, и семью. Найти лазей-
ку, которая позволит остановить катастрофу, не разрушая
всё, что ему дорого.

— Я не присоединюсь к тебе, — произнёс он твёрдо. —

Но я не хочу тебя терять. Есть другой путь. Мы можем всё исправить вместе.

Ирина усмехнулась, хотя в её глазах и мелькнуло что-то, похожее на сомнение, однако ответила не то, что он ожидал:

— Другого пути нет, Ваня. Ты либо с нами, либо против нас.

Иван с сожалением посмотрел на женщину и понял, что говорить пока бессмысленно, нужно действовать. Он знал, где искать слабые места в их плане. И знал, что у него есть всего несколько минут, чтобы всё изменить.

- Я всё исправлю!

Воскликнул громко мужчина и круто развернувшись, побежал прочь от площади, где, по его мнению, после второго, решающего взрыва, террористы пойдут на захват власти.

Ведомый внутренним компасом, который теперь жил в нём, он мчался по улицам, не замечая ничего вокруг, кроме одной цели: остановить то, что должно было произойти. Его путь лежал к подземному переходу, находившемуся рядом с телеграфом и МВД, тому самому, где, по его внезапному знанию, была заложена взрывчатка. Он знал маршрут, знал время, знал всё, что нужно, чтобы предотвратить катастрофу.

Добежав до перехода, Иван замер на мгновение, оглядываясь по сторонам. Люди шли мимо, не подозревая о смертельной угрозе, скрытой где-то под их ногами. Мужчина спустился вниз, чувствуя, как с каждым шагом воздух становится

ся тяжелее, а напряжение — острее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.